

Л. А. Герд

Франко-российское соперничество в Восточной Фракии (1856–1870-е годы)*

Введение

Период после окончания Крымской войны ознаменован деятельными усилиями российского МИД по восстановлению влияния в среде христианского населения Балкан и Ближнего Востока. В городах Европейской Турции возобновляют свою работу российские консульства. Первое из них открылось в 1856 г. в Адрианопле (совр. Эдирне), расположенном в Восточной Фракии, на пути из Стамбула в Европу. В XIX в. это был крупнейший административный и торговый центр со смешанным христианским, мусульманским и еврейским населением. Греко-болгарское национальное и церковное противостояние на Балканах к концу 1850-х гг. достигло высочайшего накала. Балканы второй половины XIX в. стали площадкой борьбы России, Франции и Великобритании за влияние в среде христианского населения. Борьба болгар против греческой высшей иерархии с конца 1850-х до начала 1870-х гг. служила орудием политики иностранной дипломатии. Русские представители со второй половины 1850-х гг. систематически оказывали болгарам покровительство в рамках как общей линии, направленной на поддержку православия, так и избранного правительством Александра II курса на поддержку славян. Это выразалось и в ходатайствах перед османской администрацией,

* Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-18-00670 «Российская политика “мягкой силы” и Османская империя XVIII – начала XX в.: поиск альтернативы военного противостояния».

и в распределении потока материальной и финансовой помощи болгарским церквям и монастырям, поступающей из России¹.

Иной характер носила поддержка со стороны Франции и ее дипломатов. История католического присутствия в Восточном Средиземноморье восходит к временам Крестовых походов, а история унии на Востоке — к периоду Контрреформации². После бурных лет борьбы с иезуитами, революционных потрясений и войн, во второй четверти XIX в. правительство Луи-Филиппа снова обращается к религиозным методам ведения политики на Ближнем Востоке и Балканах. С 1830-х гг. возобновляют свою деятельность католические миссии, в первую очередь лазаристов и иезуитов. Лазаристы и сестры милосердия св. Венсана де Поля становятся не менее активными агентами французской политики, чем сами дипломаты. Более того, в некоторых городах, где не было французского дипломатического представителя, миссионеры негласно выполняли его функции. Именно к миссии лазаристов в Константинополе обращается за помощью известный борец за болгарскую национальную идею Неофит Бозвели³. Нарастание борьбы болгар стало сигналом для французских миссионеров: они правильно оценили ситуацию и разработали план создания независимой болгарской церкви под омофором папы римского. Предполагался постепенный массовый переход болгарского населения в унию с сохранением восточного обряда, что обеспечило бы за Францией контроль над несколькими миллионами балканских христиан. С церковной точки зрения подобный проект был в глазах французов возвращением «схизматиков» в лоно матери-Церкви; дипломаты и миссионеры писали исторические справки о римской иерархии в Болгарии в IX в. Гораздо важнее, конечно, был современный политический интерес. Если для массы сельского населения сохранение восточного обряда, избавление от гнета греческих епископов и богослужение на славянском языке были достаточными основаниями для принятия унии, то для вождей болгарского движения сближение с Францией и Западной Европой представлялось хорошей перспективой национального просвещения и вступления будущей независимой Болгарии в европейскую жизнь.

Хатт-и-хумаюн 1856 г., провозглашавший свободу вероисповедания в Османской империи, стал отправной точкой для стремительного подъема болгарского церковно-национального движения⁴. В условиях нарастающей национальной борьбы на Балканах именно болгары стали главным объектом действий миссии. Греки, для которых понятия нации и православия постепенно отождествлялись, с середины XIX в. были мало заинтересованы в унии. В то время они уже имели два сильных национальных центра: Константинополь и столицу Греческого королевства, Афины.

Руководители католической миссии не замедлили воспользоваться брожением в среде православного населения и упорством греческих епископов, не желавших разрешить болгарские школы и богослужение на славянском языке. Движение за унию в 1850-е гг. возглавил Драган Цанков, который с 1856 г.

преподавал болгарский язык в католической школе в Бебеке и издавал вместе с Клодом Фавейриалем (Claude Faveyrial, 1817–1893) газету «Болгария». В декабре 1859 г. в Рим явилась болгарская делегация во главе с Цанковым с просьбой о присоединении к папскому престолу. При поддержке французских дипломатов началась борьба миссионеров за болгарское население Македонии, Фракии и Румелии⁵.

История церковно-национальной борьбы болгар является одним из наиболее изученных сюжетов в исторической литературе. Тем не менее новое прочтение источников выявляет дополнительные грани в сложном клубке противоречий и помогает не только уточнить детали событий, но и сделать выводы относительно мотивов действий, эволюции идеологических схем и пропаганды. В настоящей статье будет рассмотрена деятельность адрианопольской миссии лазаристов в 1860-х — начале 1870-х гг. глазами французских дипломатов. На основании донесений, хранящихся в архиве МИД Франции, а также депеш российских дипломатов предполагается выяснить следующие вопросы: какую роль выполняла католическая миссия как орудие колониальной политики Франции в третьей четверти XIX в.? насколько действенным было сопротивление католической пропаганде со стороны России и греческой иерархии? какими методами пользовались французские светские и духовные представители в сравнении со своими оппонентами? какова была позиция османских властей в этом противостоянии?

Все политические донесения французских консулов из Адрианополя этого периода сосредоточены вокруг успехов и неудач унии, противостояния ей со стороны греков и русского консула, а также позиции турецкой администрации. Сразу по приезде на место службы во второй половине 1860 г. Эмиль Тиссо подробно излагает расстановку сил в дипломатическом корпусе⁶. Англия, Пруссия и Сардиния, пишет он, представлены в Адрианополе агентами низшего ранга, которые набраны из местных торговцев. Австрию представляет вице-консул, Зеригович. Он хорошо знает Восток, служил ранее аташе в Сирии. Греческий и русский консулы соответственно оказывают покровительство грекам и болгарам. Главным оппонентом Тиссо оказывается русский консул, Н. Д. Ступин.

Николай Дмитриевич Ступин служил консулом в Адрианополе с 1856 по 1861 г. До Крымской войны он был драгоманом в адрианопольском консульстве⁷. Сразу по прибытии в город в октябре 1856 г. он начал деятельно поддерживать болгар и сумел на некоторое время добиться введения славянского языка, наряду с греческим, в школе и в богослужении⁸. Он ходатайствовал о принятии адрианопольских болгар в русские учебные заведения⁹. Деятельность Ступина, его усилия открыть болгарское училище в городе и особенно настойчивые попытки примирить греков и болгар были по-разному оценены историками¹⁰.

Каким предстает Ступин в донесениях Э. Тиссо? Он удостаивается критической оценки в самых саркастических выражениях. Ступин, по его словам, «единственный европейский консул, который действительно сумел получить большое влияние и пользуется им, так сказать, в широком масштабе. Этим авторитетом г-н Ступин обязан не столько своему характеру, не очень честно-му, сколько глубокому знанию страны, в которой он живет уже двенадцать лет, своей хаотичной деятельностью в отношении турок, стремительному напору перед пашами, которые чувствуют себя слабыми и не знают, как защищать свои права, особенно в ситуации отсутствия другого иностранного агента, с которым он (Ступин) должен бы был считаться».

Французский консул подробно рассказывает о том, как Ступин предложил жителям пригородного села Демирдеч построить церковь и дом при ней. «Русский консул собрал нотаблей и предложил им построить болгарскую церковь. На возражения, что у них нет средств, “Это не важно, отвечал г-н Ступин, у вас есть руки и транспортные средства, позаботьтесь о доставлении материала и рабочей силы в возможно большем количестве, а я возьму на себя остальное”». Когда строительство было окончено, продолжает Тиссо, жители были неприятно удивлены тем, что Ступин выставил им счет в 60.000 пиастров, и они оказались должниками своего покровителя. Нехватка средств заставила Николая Дмитриевича распродать обстановку дома, а сам дом продать греческому священнику. «В любой другой стране подобное поведение навлекло бы на него презрение. Здесь, однако, такое постыдное злоупотребление властью, которую предоставляют общественные должности, не встречает никакого сопротивления и не вызывает удивления», — заключает Тиссо. В другом донесении французский консул отмечает грубость и заносчивость Ступина в отношении беев¹¹. Очевидно, что авторитет русского представителя вызывал у него большое раздражение. Жалобы Тиссо посланнику в Константинополе не остались без последствий.

Служба Н. Д. Ступина в Адрианополе закончилась для него неудачно: посланник в Константинополе А. Б. Лобанов-Ростовский, прислушавшись к слухам, происходившим из французского посольства, устроил ревизию, в результате которой Ступин был удален из города. «Русский консул Ступин отстранен от должности вследствие расследования, проведенного князем Лобановым, — докладывал Тиссо в феврале 1861 г. — Я уже имел случай высказывать свое мнение о г-не Ступине. Когда я приехал в Адрианополь, он оказывал влияние, не разбирая средств, чему никто из его коллег не мог или не хотел оказывать сопротивление»¹². Ревизия, осуществлявшаяся вторым секретарем посольства, Демидовым, касалась сумм, посланных императорской семьей в церкви Адрианополя; здесь, докладывал Тиссо, были обнаружены злоупотребления.

В условиях нестабильности и постоянных притеснений со стороны турок и греков жители многих болгарских сел Фракии начали переговоры о переселении в Россию¹³. Переселение происходило при посредничестве российских консулов как отдельными семьями, так и целыми селами. К 1870-м гг. оно

приобрело такой масштаб, что российский МИД начал принимать меры к его ограничению. Это нашло отражение и в донесениях французских дипломатов. В 1861 г. в Крыму провел несколько месяцев представитель нескольких деревень Атанас, обладатель российского паспорта. Он выяснял условия переселения. Несмотря на обещание семян и скота со стороны вали, крестьяне упорствовали в своем намерении, и Атанас был заключен в тюрьму¹⁴.

Весной 1862 г. в Адрианополь прибыл со специальной миссией Шарль Шампоазо, французский консул в Филиппополе. Вопрос унии был в центре его внимания. «Никакое религиозное убеждение, ни побуждение веры даже в самой малой степени не подвигает славянское население Румелии к католической церкви. Это движение чисто политическое, или лучше сказать, национальное, и, зная хорошо авторитет Святого Престола, болгары видят в нем не что иное как средство достичь, при полном сохранении своих обрядов, полного отделения своей церкви от греческой и создать свою собственную национальную церковь, которой у них до сих пор нет»¹⁵. Успехи болгарской унии, продолжает он, какой бы причине их ни приписывали, неоспоримы в Адрианопольской провинции. Если верить противникам католической пропаганды, униатов небольшое число, и среди них убежденных нет вовсе. Напротив, если слушать тех, кто стоит во главе движения, и особенно генерал-губернатора провинции, бывшего великого визиря Мехмед Кибризли-пашу¹⁶, только в Адрианопольском эялете число семей, желающих на сегодняшний день признать власть папы, исчисляется тысячами. Именно на Кибризли-пашу, ярого противника России и ее влияния, французы сделали главную ставку. В неоднократных беседах с вали дипломаты убеждали его, что единственным способом бороться против русских является поддержка унии и создание болгаро-униатской церкви. Оставление болгар в православии грозит полным их поглощением Россией, даже в том случае, если они туда не переселятся. Французы рассматривали независимую Болгарскую православную церковь как часть церкви Русской. Впрочем, есть основания усомниться в искренности подобных заявлений: в различных донесениях они иногда вполне объективно анализируют греко-болгарское противостояние, а в другой раз предпочитают говорить об общей «греко-русской угрозе». С русским консулом Н. П. Шишкиным у паши вышел открытый конфликт: посланный в болгарские деревни из консульства кавас получил угрозу от турецкой администрации, что будет заключен под стражу; вместе с тем от лица вали жителям было предложено перейти в унию. При поддержке Кибризли-паши на зиму 1861–1862 гг. пришелся пик перехода адрианопольских болгар в унию¹⁷.

Симпатии турецкого губернатора к делу унии, однако, вскоре сменились охлаждением, о чем докладывал Шампоазо 3 июня 1862 г.¹⁸ Число семей болгаро-униатов Адрианопольского пашалыка оставалось около 2000. Для служения в Адрианопольской католической общине был определен поляк, священник Франциск Мальчинский, из ордена воскресенцев. Поляки-эмигранты

в Османской империи начиная с 1830-х гг. составляли не очень многочисленную, но активную группу населения, которые осуществляли деятельность, направленную против России в сферах журналистики и политической пропаганды, а также служили в османской армии. Отдельную группу представляли духовные лица, которые в составе нескольких волн польской эмиграции во Францию вступали в миссионерские ордена и затем отправлялись на Балканы. Во французском МИД ошибочно полагали, что поляки как славяне, скорее, чем французы, найдут ключ к местному населению и смогут способствовать его переходу в унию. Они недооценивали то обстоятельство, что поляки-эмигранты рассматривались болгарами как заведомые враги России и, следовательно, большого доверия к ним быть не могло. Шампоазо с разочарованием констатировал, что аббат Мальчинский столкнулся с «грубыми и грязными натурами местных жителей» и, как человек чести, не ожидал, что для них главное — это борьба с греками¹⁹. Шампоазо, с своей стороны, был склонен относиться к болгарам со снисхождением, так как двойное иго — со стороны греков и османской администрации — привело их к грубости и моральной деградации. Деятельность среди болгар развивали и поляки-миряне, в частности драгоман французского консульства в Адрианополе Подхайский²⁰.

Донесения середины 1862 г. отражают напряженную борьбу за болгарские деревни. В селе Кючюк-Тырново (Малко Тырново), в котором поначалу о желании примкнуть к унию заявила 1000 семей, греки предприняли энергичные действия: епископ и архимандрит подкупили мудира и заптие, при поддержке чорбаджи униатские священники были заключены в тюрьму: в результате семей униатов осталось всего 240²¹. В Галлиполийском уезде мудир, вопреки указам своего начальства, в союзе с греческим епископом противостоял унию.

Определенную надежду внушал переход в унию (как впоследствии оказалось, временный) двух православных епископов, Хрисанфа (адрианопольского викария) и Дорофея Софийского. Оба они отправились в Константинополь, но, по мнению Шампоазо, им не был оказан подобающий прием. Между тем, несмотря на разочарование в опыте Иосифа Сокольского²², считал Шампоазо, только церковь, возглавляемая местными архиереями, могла иметь шансы на успех. «У болгарской унии нет шансов на успех, я бы сказал скорее, на существование, если ее не возглавит патриарх, человек, принадлежащий к своему духовенству, и этот человек будет свободен от всякой опеки со стороны собственно католических епископов, если Св. Престол предоставит им управление <...> Одним словом: в тот день, когда движение унии будет исключительно в руках латинского духовенства, это движение перестанет существовать», писал он²³. Болгарская уния развивается с трудом, несмотря на усилия нескольких французских священников и многочисленных поляков, сетует консул годом позже. Главная причина здесь в противодействии со стороны русского и британского агентов. Сами же болгары народ мирный и немного глуповатый, не склонный к восстанию против султана, считает Шампоазо²⁴.

В мае 1863 г. в Адрианополь прибыл новый французский консул, Виктор Плас. Уния стала первым предметом его заботы. В донесении от 14 июня 1863 г. он анализирует ее состояние, причины неудачи и пути к выходу из кризиса. Число болгаро-католических семей Адрианополя и его округа сократилось до 1117 (5585 душ): это сам город и 14 сел вокруг него, с пятью церквями и четырьмя священниками. Совершенно очевидно, пишет консул, что движение унии не оправдало надежд, на него возлагавшихся. Причины здесь различны: недостаток согласованности у верховного руководства, продажность и нерасположенность большинства болгарского духовенства. Подобно своим предшественникам, Плас не склонен строго судить простых поселян. Они были слишком предоставлены сами себе, у них не было священников в начале обращения. В селах «каждый день они имеют дело с рожденьями, смертями, браками, в стране, где все сосредоточено на важности внешней стороны религии»²⁵. Переходя к положительной части своей программы, Плас предлагает следующие меры:

1. Централизация управления унией из одного города, Филиппополя или Адрианополя, и в руках одного человека.
2. Учреждение по меньшей мере пяти дочерних миссий в разных болгарских городах. При каждой миссии должно быть два священника восточного обряда, церковь и школа, а в Филиппополе колледж, чтобы преодолеть предрассудки и «исправить темный и невежественный дух болгар».
3. Миссию нужно организовать как с внутренней стороны, так и с внешней. Духовенство на Востоке должно заниматься не просто душепопечением, но выполнять роль администраторов.
4. Миссия должна быть снабжена достаточными средствами, по 10 тыс. франков на каждый отдел и тридцать на колледж. Общая сумма около 80 тыс. франков в год на первое время должна быть достаточна.
5. Важно соблюдать восточный обряд, так как внешнее благочестие для народов Востока важнее, чем истинная вера. «Соблюдать посты, целовать иконы и совершать до бесконечности крестное знамение, — в глазах этих народов это важнее, чем истинное благочестие и нравственность», — подчеркивал консул.
6. Потому с делом унии не следует спешить, она даст плоды только во втором поколении, когда вырастут люди, свободные от предрассудков своих родителей. Защиту болгар-униатов перед турецкими властями дипломат считал мерой крайней²⁶.

В июле 1863 г. Адрианополь посетил апостольский викарий кардинал Пало Брунони. Его встречали католики города, но вали Кибризли-паша послал вместо себя представителя; по-видимому, он не хотел демонстрировать чрезмерные симпатии к унии. Русский, греческий и английский консулы также заметным образом отсутствовали. Священником миссии теперь был назначен другой поляк, аббат Кащановский. Он задался целью основать школу и испросил у французского правительства 6 тыс. франков на здание²⁷.

Кащановский приступил к делу миссии с большим рвением, но вскоре на его пути встали препятствия. Сначала он купил участок в центре города с целью устроить там школу с интернатом. Эта земля была вакуфом по соседству с греческой митрополией, и митрополиту при поддержке русского консула удалось добиться у администрации запрета на строительство. Тогда Кащановский переместил всю миссию в предместье Гириш-Хане и преподавал там в школе. Из-за своей независимой позиции он вошел в конфликт с болгаро-униатским епископом Рафаилом Поповым; родители стали забирать своих детей из школы. Кащановский был деятелен, он получил много денег от французского правительства и от своих соотечественников. Однако консул А. Констан скептически оценивал перспективы его работы. Он «идет вперед с закрытыми глазами и стоит на песке», пишет он. Болгарское население воспринимает поляков как агентов польской пропаганды и врагов России; кроме того, считается, что священники в ссылке не могут прокормиться во Франции и потому отправляются на Восток. Необходимый для существования адрианопольской миссии бюджет Констан оценивает в 15–20 тыс. франков в год²⁸.

Упадок миссии констатирует прибывший в начале 1865 г. в Адрианополь новый российский консул К. Н. Леонтьев. Не в последнюю очередь здесь сыграла роль безразличная к религии позиция тогдашнего французского консула Гиза, с которым у Леонтьева сложились неплохие отношения²⁹. «Униаты, как они сами это знают, в душе пока православные и приняли униатизм только из денежного расчета, который не сегодня-завтра может оказаться ошибочным при перемене обстоятельств», — писал Леонтьев в другом донесении³⁰. «Подобные раскольничьи движения, — продолжал он, — почти не выходящие за пределы православия, могут <...> служить очистительным и пробуждающим средством для самой Церкви, которой пастыри так преданы теперь своим временным выгодам, равнодушию и покою»³¹. Тем не менее оптимизм Леонтьева заметно охлаждался реальным положением дел. На 1865 г. приходится новая волна временного перехода болгарских сел в унию. «Материального орудия против этого зла нет; число новых униатов слишком велико, чтобы была возможность успокоить их сбором денежной помощи, которую предлагает им католическая пропаганда»³².

Пространная записка с анализом положения болгарской унии, снабженная историческим экскурсом в историю контактов болгар с Римом начиная с IX в., вышла из-под пера нового консула А. Констана в конце 1867 г. В целом он повторяет мысли, изложенные его предшественниками, и делает заключение, что в случае сохранения православия болгары рискуют быть поглощенными Россией, и единственное средство спасти их от ассимиляции — переход в унию всем народом³³. Самым верным союзником в этом деле является османское правительство. Как только оно поймет, что уния в его интересах, России будет нанесен ужасный удар, продолжал Констан. По его наблюдениям, «болгарский народ трудолюбивый, верный, мало беспокойный, привязан к земле, которую

обрабатывает, им легко управлять, потому что у них нет различий касты и аристократии, которые могут посеять семена различий, соперничество и амбиции, от которых страдают все другие народы». Среди причин неуспеха унии консул указывает на несоответствие медленных темпов миссии с политическими запросами; миссионеры решали эти вопросы под прикрытием религии и тем самым дискредитировали саму идею миссии. Наилучшим, хотя и не абсолютным решением проблемы было бы, на его взгляд, создание независимого Болгарского патриархата в Охриде или Тырново в лоне Римской церкви.

Двумя годами позже следующий французский консул де Куртуа рисует картину дальнейшей деградации унии в Адрианополе. Он приводит статистику города, в котором католиков оказывается всего 66 домов на фоне 4080 домов православных (болгар и греков). Куртуа также пытается анализировать причины неуспеха католической миссии среди болгар. Почему, несмотря на большие усилия, прогресс миссий на Востоке столь незначителен и что с этим можно сделать? — вот вопросы, которыми задаются французы. Католический священник, пишет консул, честен, нечувствителен к коварным инсинуациям, с легкостью принимает иерархическое подчинение и остается независимым от государства, так как ничем ему не обязан. «Православное же духовенство, по крайней мере значительная его часть, полностью зависит от мелкого лавочника, подострастно, податливо, щедро до тех пор, пока позволяют его интересы, они турки как турки, более турки, чем православные. Понятно, что администрация не колеблется в выборе между ними; все симпатии на стороне духовенства, продажность и униженность которого так хорошо соответствуют их собственному пониманию нравственности»³⁴. По мнению Куртуа, причины неуспеха миссий можно свести к четырем основным пунктам:

- 1) отсутствие твердого достаточного финансирования для основания и поддержания серьезных предприятий;
- 2) незнание языков;
- 3) выбор монахов и монахинь, способности которых более чем сомнительны;
- 4) сосредоточение в одном месте различных орденов.

В комментариях к каждому из этих пунктов консул подчас беспощаден в своих оценках миссионеров. Что может дать местным жителям монах или монахиня, которые за пятнадцать или двадцать лет пребывания в миссии не освоили местных языков? Или монахиня, которая едва умеет писать на своем родном языке? «Не следует делать Восток сточной канавой для отбросов из французского дома», — заключает он.

После провозглашения Болгарского экзархата в 1870 г. идея создания независимой болгаро-униатской церкви утратила свою актуальность. Французское влияние на болгар теперь должно осуществляться более с либеральной стороны, чем с религиозной, писал консул в Адрианополе Е. Мало в октябре 1872 г. Конечно, подобное изменение курса было не в последнюю очередь связано с событиями во Франции и концом империи. Вместе с тем неприятное

для России объявление болгарской схизмы в сентябре 1872 г. воспринималось французским дипломатом с явным удовлетворением. Дав согласие болгарам на образование независимой церкви, писал он, Порта «подрезала траву под ногами России» и та никогда не получит от болгарского движения той пользы, которую ожидала. Болгары же «с умным эгоизмом» принимали помощь этой державы и никогда не намеревались воздавать ей в ответ³⁵.

В одном из последующих своих донесений Мало развивает идеи о путях французской бескровной колонизации на просторах Османской империи: он рассуждает о разных методах проникновения Франции: торговле, приобретении земельных участков, распространении франкофонии³⁶. Поскольку обе Америки, Австралия и Азия уже находятся в руках народов саксонского, испанского и славянского, больше нет земли, на которую можно положить глаз. Все земли уже заняты, но остается другой способ колонизации. Это прогресс цивилизации с падением барьеров, которые были некогда воздвигнуты между народами из-за их взаимной ненависти, пишет консул. «Это колонизация путем проникновения одного народа, более умного, более сильного, более богатого, в те страны, которые не находятся на таком уровне современного развития в области искусства, торговли и промышленности»³⁷. Характерно, что миссионерский фактор в его схеме «цивилизаторской роли» Франции теперь уже отсутствует.

Заключение

Франко-российское противостояние в Адрианополе и Фракии в 1850-х — начале 1870-х гг. явилось важным эпизодом в истории борьбы великих держав в Восточном вопросе XIX в. Несмотря на неоднократные договоренности императоров Александра II и Наполеона III и заверения французских посланников об отказе унии в покровительстве, французское правительство предоставило ей прочную материальную и дипломатическую поддержку. Подмена религиозной идентичности национальной в среде болгар и крайнее обострение их борьбы против греческой высшей иерархии в условиях Танзимата дали возможность французской политике пустить в ход действенное орудие — миссионерскую пропаганду. На короткий срок несколько тысяч человек оказались вовлеченными в унию с папским престолом. В тесном сотрудничестве с дипломатами миссионеры открывали школы, в которых обучали детей «основам истинной веры» и французскому языку с перспективой воспитания верных чад Римской церкви и создания *clientele*, слоя населения, преданного французским интересам. Тактика лазаристов отличалась гибкостью: если в арабских областях Турции в школах доминировала франкофония как один из ключевых методов мирной колонизации, то на Балканах упор делался на изучение родного языка и славянское богослужение. В глазах французов греки и особенно болгары оставались народами малоразвитыми, их принадлежность к христианству вызывала большие сомнения. Снисходительные выражения об этих полудетях,

общие для языка западноевропейских политиков в колониях эпохи империализма, изобилуют и в депешах французских дипломатов. Дипломаты (в отличие от миссионеров) смотрели на унию как на явление чисто политическое, а легкость, с которой болгары возвращались в православие, заставляла называть происходящее «комедией» и «спектаклем». Неудивительно, что после провала идеи создания независимой болгаро-униатской церкви и смены режима во Франции дипломатия так же легко обращается к пропаганде «цивилизаторской миссии Франции» уже без религиозного фактора.

Русская политика на Балканах оценивалась французами в свете концепции панславизма. Страх перед русским влиянием приводил дипломатов к преувеличенным, порой гротескным оценкам русского присутствия. отождествление будущей Болгарской православной церкви с церковью Русской, угроза ассимиляции болгар Россией, — иногда это подчеркивалось сознательно, для убеждения османской администрации или самих болгар, а порой могло отражать и истинные опасения французов. Преувеличение опасности со стороны России и греко-русского православного союза должно было склонить османскую администрацию к поддержке унии и французской политики.

Русская дипломатия придерживалась как общей традиционной политики помощи православию против унии, так и характерного для 1850–1860-х гг. курса на примирение греков и болгар. Наряду с усилиями по поддержке болгар, их школ и славянского богослужения консулы не упускали из виду выгоды для России единства православия. Что касается конкретных методов действий как русской дипломатии, так и французской, они были схожими: переговоры с османскими властями, внимательное отслеживание изменений в греко-болгарских противоречиях, поиск слабых мест противников, немедленное реагирование в острых ситуациях, широкое использование методов и дипломатическо-пропагандистских, и материальных.

В целом период 1856–1870-х гг. был для русской дипломатии на Балканах успешным: католическая уния под эгидой Франции потерпела неудачу, авторитет России в среде болгарского населения достиг наивысшего пика. Болгарская схизма 1872 г. похоронила надежды на объединение православных народов в единый фронт против католического и протестантского влияния. Можно, таким образом, говорить о том, что уже с 1870-х гг. религиозные рычаги политики в Восточном вопросе постепенно начинают уступать другим методам и иным идеологическим схемам.

¹ История церковно-национальной борьбы болгар Адрианополя и Восточной Фракии детально рассмотрена в монографии: *Тодев И.* Българско национално-освободително движение в Тракия 1800–1878. София, 1994. О политическом аспекте русской помощи балканским христианам см.: *Герд Л. А.* Русские церковные предметы в славянских землях

- (1830–1880-е годы): благотворительность или политика? // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. 2025. № 1. С. 100–115.
- ² Центром деятельности католической пропаганды на Балканах стала церковь Св. Бенедикта (St. Benoît) в Константинополе. *Dilan H. La mission du Lycée St. Benoît dans les relations turco-françaises*. Paris, 2004.
 - ³ *Смоховска-Петрова В.* Неофит Бозвели и българският църковен въпрос. София, 1964; *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976. О совместном проекте болгарской унии, разработывавшемся в 1840-х гг. польскими эмигрантами, французским посольством и миссией лазаристов в Константинополе, см.: *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 72–75.
 - ⁴ Обширную литературу о борьбе болгар за церковно-национальную независимость см. в кн.: *Макарова И. Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010; *Бонева В.* Българското църковнонационално движение. 1856–1870. София; Велико Търново, 2010.
 - ⁵ История болгарской унии, ее успехов и неудач, стала предметом многочисленных исследований: *Sofranov I. Histoire du mouvement bulgare vers l'église catholique au XIXe siècle*. Roma, 1960 (болг. перевод: *Софранов И.* История на българското движение за единение с католическата църква през XIX век. София, 2009); *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда сред българите пред втората половина на XIX век. София, 1962; *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане; *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1979; *Елдаров С.* Католиците в България. 1878–1989. Историческо изследване. София, 2002; *Ваташки Р.* Българската православна църква и римокатолическата пропаганда в България и на Балканите (IX в. – 30те години на XIX в.). Велико Търново, 2011. Обзор библиографии см. в статьях: *Фролова М. М.* 1) Историки России и Болгарии о константинопольской унии 1860 г. и униатском движении в Западной Македонии (1856–1865 гг.) // Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. М., 2015. С. 142–208; 2) Развитие униатского движения в Западной Македонии. Планы и действительность (1856–1871 гг.) // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014. С. 33–60.
 - ⁶ Em. Tissot – E. Thouvenel. Andrinople. Le 16 octobre 1860 // Archive de Ministère d'affaires étrangères (АМАЕ), Correspondence politique et commerciale (CPC). Andrinople. T. 1. P. 146–148v.
 - ⁷ *Фролова М. М.* Русские консулы и болгаро-греческое противостояние в церковном вопросе на nive школьного образования (Адрианополи, Варна, Битола, 50–60-е годы XIX в.) // Славянский альманах. 2014. С. 44–60.
 - ⁸ Н. Д. Ступин – Е. П. Ковалевскому. 12 декабря 1856 г. // Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 95–98.
 - ⁹ Доклады Н. Д. Ступина в Азиатский департамент МИД. 24 июля 1857 г., 20 сентября 1858 г., 9 ноября 1860 г. // Там же. С. 152–153, 214, 471.
 - ¹⁰ И. Тодев считает эти усилия заранее обреченными на неуспех, в то время М. М. Фролова склонна оценивать его деятельность положительно (*Тодев И.* Българско национално-освободително движение в Тракия 1800–1878. С. 159; *Фролова М. М.* Русские консулы... С. 56–57).
 - ¹¹ Em. Tissot – E. Thouvenel. Andrinople. Le 4 novembre 1860 // АМАЕ. CPC. Andrinople. T. 1. P. 162–164v.
 - ¹² Em. Tissot – E. Thouvenel. Andrinople. Le 16 février 1861 // АМАЕ. CPC. Andrinople. T. 1. P. 256–258v.
 - ¹³ Российское посольство исходатайствовало специальное разрешение Порты на переселение (А. Б. Лобанов-Ростовский – А. М. Горчакову. 22 февраля 1861 г. // Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 2. С. 53–54). См. также: Н. П. Шишкин – Е. П. Ковалевскому. Адрианополь, 14 июня 1861 г. // Там же. С. 121–122; и др.
 - ¹⁴ Em. Tissot – E. Thouvenel. Andrinople, le 30 octobre 1861 // АМАЕ. CPC. Andrinople. T. 1. P. 398–400.
 - ¹⁵ Ch. Champoiseau – L. de Moustier. Andrinople, le 22 avril 1862 // АМАЕ. CPC. Andrinople. T. 2. P. 18.

- ¹⁶ Мехмед Эмин-паша, по прозвищу Кибризли (Киприот, 1813–1881), выдающийся политический деятель эпохи Танзимата. С августа 1861 г. вали (губернатор) Адрианополя. Известен своими симпатиями к Франции и в то же время враждой против России и ее влияния на Востоке.
- ¹⁷ О благосклонности Порты к унии докладывает российский посланник еще в начале 1861 г. (А. Б. Лобанов-Ростовский — А. М. Горчакову. Пера, 22 февраля / 5 марта 1861 г. // *Русия и българското национално-освободително движение*. Т. 1. Ч. 2. С. 54–57). Напротив упоминания об активности Э. Тиссо Александр II оставил помету: «Нужно сообщить Монтебелло (французскому послу в Петербурге. — Л. Г.)». Вероятно, император хотел напомнить о встрече с Наполеоном III в Штутгарте 13–16 сентября 1857 г., когда была достигнута договоренность о совместных действиях обеих держав на Балканах, а также о поддержке России, оказанной Францией в Сирии в 1860 г.
- ¹⁸ Ch. Campoiseau — E. Thouvenel. Andrinople, le 3 juin 1862 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 23–25v.
- ¹⁹ О деятельности Мальчинского и его преемника в Адрианополе аббата Кащановского см.: *Жуков К. А. Поляки в Османской империи и Россия (60–70-е гг. XIX в.) // Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 6 (33). С. 189–190.
- ²⁰ На него жалуется российский консул (М. И. Золотарев — Е. П. Новикову. 24 апреля 1863 г. // *Русия и българското национално-освободително движение*. Т. 1. Ч. 2. С. 347–349). В ответ Новиков рекомендовал Золотареву сохранять добрые отношения с английским консулом, также заинтересованным в противодействии унии. В другом донесении Золотарев признается, что его сближение с британским консулом Дж. Блантом продиктовано исключительно необходимостью оказать сопротивление французско-католической пропаганде (М. И. Золотарев — Е. П. Новикову. 16 июня 1864 г. // *Русия и българското национално-освободително движение*. Т. 2. София, 1990. С. 64–66).
- ²¹ Ch. Campoiseau — E. Thouvenel. Andrinople, le 21 juin 1862 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 26–29.
- ²² Архимандрит Иосиф, игумен болгарского Сокольского монастыря, в конце 1859 г. стал первым болгаро-униатским епископом. Вскоре, однако, силами русских дипломатов и болгар-русифилов он был увезен в Россию, и Кукушская уния была обезглавлена.
- ²³ Ch. Campoiseau — E. Thouvenel. Andrinople, le 29 novembre 1862 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 38–40v.
- ²⁴ Ch. Campoiseau — E. Thouvenel. Samothraki, le 4 april 1863 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 48–49.
- ²⁵ V. Place — E. Drouyn de Lhuys. Andrinople, le 14 juin 1863 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 53–61v.
- ²⁶ Ibid. Р. 58.
- ²⁷ Ch. Champoiseau — E. Drouyn de Lhuys. Andrinople, le 2 octobre 1863 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 69–69v.
- ²⁸ A. de Constans — L. de Moustier. Andrinople, le 17 decembre 1867 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 108–114v.
- ²⁹ К. Н. Леонтьев — Н. П. Игнатьеву. Адрианопись, 13 января 1865 г. // *Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. Кн. 1. Документы служебной деятельности / Под ред. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко*. СПб., 2017. С. 14–23. Русск. пер.: С. 24–33.
- ³⁰ К. Н. Леонтьев — Н. П. Игнатьеву. Адрианопись, 24 февраля 1865 г. // Там же. С. 42.
- ³¹ Там же. С. 43.
- ³² К. Н. Леонтьев — Н. П. Игнатьеву. Адрианопись, 21 апреля 1865 г. // Там же. С. 75.
- ³³ A. de Constans — L. de Moustier. Andrinople, le 19 septembre 1867 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 84–87v; A. de Constans — L. de Moustier. Andrinople, le 25 novembre 1867 // Ibid. Р. 94–103.
- ³⁴ C. de Courtois — Marquis de la Valette. Andrinople, le 27 novembre 1869 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 180–181v. Приложение к донесению от 27 ноября 1869 г. // Ibid. Р. 182–189v.

- ³⁵ E. Mallot — Ch. de Rémusat. Andrinople, le 25 octobre 1872 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 195–201.
- ³⁶ О франкофонии как элементе колониальной политики см.: *Calvet L.-J.* Linguistique et colonialism: petit traité de glottophagie. Paris, 1974. См. также: *Philipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford, 1992.
- ³⁷ E. Mallot — L. Décazes. Andrinople, 30 août 1874 // АМАЕ. СРС. Andrinople. Т. 2. Р. 243–245.

References

- Boneva, V. *Bylgarskoto tsyrkovno-natsionalno dvizhenie 1856–1870* [The Bulgarian Church-National Movement 1856–1870. In Bulg.]. Sofia, Veliko Tyrnovo, 2010. 1128 p.
- Dilan, H. *La Mission du Lycée St. Benoît dans les Relations Turco-Françaises*. Paris, L'Harmattan, 2004.
- Eldyrov, S. *Katolitsite v Bylgaria. 1878–1989. Istorichesko izsledvane* [The Catholics in Bulgaria, 1878–1989. A Historical Research. In Bulg.]. Sofia, 2002. 816 p.
- Frolova, M. M. Istoriki Rossii i Bolgarii o Konstantinopol'skoi unii 1860 g. i uniatskom dvizhenii v Zapadnoi Makedonii (1856–1865 rr.) [The Russian and Bulgarian Historians about the Constantinople Union of 1860 and the Uniat Movement in Western Macedonia (1856–1865). In Russ.]. In S. I. Danchenko (ed.). *Slavyane i Rossiya: Istoricheskii kontekst i problemy istoriografii*. Moscow, 2015, pp. 142–208.
- Frolova, M. M. Razvitie uniatskogo dvizheniya v Zapadnoi Makedonii. Plany i deistvitel'nost' [The Development of the Uniate Movement in Western Macedonia. Plans and Reality (1856–1871). In Russ.]. In R. P. Grishina (ed.). *Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX–XXI vv.* Moscow, 2014, pp. 33–60.
- Frolova, M. M. Russkie konsuly i bolgaro-grecheskoe protivostoyanie v tserkovnom voprose na nive shkol'nogo obrazovania (Adrianopol', Varna, Bitola, 50–60e gody XIX v.) [The Russian Consuls and the Greek-Bulgarian Controversion in the Church Question and the School Education (Adrianople, Varna, Bitola, 1850–1860s). In Russ.]. In *Slavyanskii al'manakh*. 2014, pp. 44–60.
- Genchev, N. *Frantsia v bylgarskoto dukhovno vyzrazhdane* [France in the Bulgarian Spiritual Renaissance. In Bulg.]. Sofia, 1979. 418 p.
- Kosev, D. *Rusia, Frantsia i bylgarskoto osvoboditelno dvizhenie 1860–1869* [Russia, France and the Bulgarian Liberation movement 1860–1869. In Bulg.]. Sofia, 1979. 231 p.
- Makarova, I. F. *Bolgary i Tanzimat* [The Bulgarians and the Tanzimat. In Russ.]. Moscow, URSS publ., 2010. 320 p.
- Markova, Z. *Bylgarskoto tsyrkovno-natsionalno dvizhenie do Krimskata voina* [The Bulgarian Church-National Movement before the Crimean War. In Bulg.]. Sofia, 1976. 220 p.
- Smokhovska-Petrova, V. *Neofit Bozveli i bylgarskiat tsyrkoven vypros* [Neofit Bozveli and the Bulgarian Church Question. In Bulg.]. Sofia, 1964. 211 p.
- Sofranov, I. *Histoire du Mouvement Bulgare vers l'église Catholique au XIXe siècle*. Roma, Desclée, 1960.
- Todev, I. *Bylgarsko natsionalno-osvoboditelno dvizhenie v Trakiia 1800–1878* [The Bulgarian National-Liberation Movement in Thrace 1800–1878. In Bulg.]. Sofia, 1994. 476 p.
- Vatashki, R. *Bylgarskata pravoslavna tsyrkva i rimokatolicheskata propaganda v Bylgaria i na Balkanite (IX v. — 30te godini na XIX v.)* [The Bulgarian Orthodox Church and the Roman Catholic Propaganda in Bulgaria and the Balkans (9th century — to the 1830s). In Bulg.]. Veliko Tyrnovo, Faber, 2011. 416 p.
- Zhukov, K. A. Polyaki v Osmanskoi imperii i Rossiya (60–70e gody XIX v.) [The Polish in the Ottoman Empire and Russia (1860–1870-s). In Russ.]. In *Problems of National Strategy*. 2015. No. 6 (33), pp. 189–190.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. А. Герд. Франко-российское соперничество в Восточной Фракии (1856–1870-е годы) // Петербургский исторический журнал. 2026. № 1. С. 131–145.
DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_131

Аннотация: Конец 1850-х и 1860-е гг. являются периодом наивысшего напряжения греко-болгарского противостояния в церковно-национальном вопросе. Борьба болгар против греческой иерархии использовалась дипломатией держав (России, Франции и Великобритании) для укрепления и расширения влияния на Балканах. Русские представители действовали в пользу поддержки православия, французские дипломаты и миссионеры, напротив, стремились обратить болгар в унию с Римом. В статье исследуются методы борьбы за болгарское население Адрианополя и Восточной Фракии, которыми пользовались светские и духовные представители конкурирующих держав, России и Франции, и результативность их действий. На основании донесений французских дипломатов делаются выводы о месте миссионерской работы в колонизаторской политике Франции третьей четверти XIX в.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Балканы, Адринополь, церковная политика, греко-болгарский вопрос, мягкая сила, католическое миссионерство, уния.

FOR CITATION

L. A. Gerd. Franco-Russian Rivalry in Eastern Thrace (1856–1870s) // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2026, pp. 131–145. DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_131

Abstract: The end of the 1850s and the 1860s were a period of the highest tension in the Greek-Bulgarian counter-action in the church-national question. The struggle of the Bulgarians against the Greek high clergy was used by the diplomacy of the powers (Russia, France and Great Britain) for strengthening of their influence in the Balkans. The Russian representatives supported Orthodoxy, while the French diplomats and missionaries tried to convert the Bulgarians into the Union with Rome. The article is focused on the methods of struggle of the Bulgarian population of Adrianople and Eastern Thrace, used by the secular and religious agents of the concurrent powers (Russia and France), and the results of their activities. Basing on the reports of French diplomats conclusions are made concerning the missionary work in the colonial policy of France in the third quarter of the 19th century.

Key words: Eastern Question, Balkans, Adrianople, Russian church policy, Greek-Bulgarian question, soft power, Catholic missionaries, union with Rome.

Автор: Герд, Лора Александровна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Gerd, Lora Aleksandrovna — Dr of Sci. in History, Leading Researcher, Department of General History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: loragerd@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6842-5871